

ИРИНА УШАКОВА

ЖИЗНЕННЫЕ СМЫСЛЫ В КНИГАХ ВАЛЕНТИНА КУРБАТОВА

Ничто так не пугает человека, как потеря смысла жизни. Нам, поколению 90-х, жизненные смыслы передавали советские учителя на уроках русской литературы. И мы – счастливое поколение, изучавшее в школьной программе Ивана Бунина и Валентина Распутина. Сегодня, когда писательский труд и сам литературный процесс вытеснены на обочину общественной жизни, смыслы эти, особенно для молодёжи, становятся всё менее ощутимыми.

Нет уже современников, ровесников Валентина Курбатова – “реставратора всея Руси” Саввы Ямщикова, композитора Валерия Гаврилина, учёного-эколога Фатея Шипунова, скульптора Вячеслава Клыкова, актёра Анатолия Солоницына, нет и Валентина Распутина и многих, многих, и оттого нам ещё дороже живое присутствие мастера, который говорит нам о болезнях современного искусства, в первую очередь – словесности, о недугах исторической памяти народа, его самосознания.

Включишь любой центральный телеканал, особенно в вечернее время, и открестишься: нет, это не про нашу жизнь, мы так дурно, так тупо никогда не жили! Поэтому и хочется ухватиться за правду жизни, которая отражена, в частности, в книгах Валентина Курбатова, да жаль, издаются они только в провинции, крошечными тиражами.

Вот и книгу его “Пушкин на каждый день” читаем то радуясь, то сглатывая слезу, поскольку после пушкинских праздников в Святогорье, где автор и подарил книги гостям, я увезла томик в своё тверское село Татево, которое было некогда таким же поющим, труждающимся, собиравшим людей великой русской культуры – от Константина Победоносцева до Василия Розанова, – как и все русские усадьбы прошлых веков, как Ясная Поляна Толстого, как псковские имения друзей и родственников Пушкина, о которых идёт речь в этой книге.

На пушкинском празднике в Михайловском Валентин Курбатов с горечью заметил, что одна юная девочка, проходя с мамой по этим вдохновенным пушкинским местам, сказала, что для неё во всём этом “нет информации”. Вот такая “перезагрузка с потерей всех данных” происходит с нашими детьми. Откуда же Пушкин брал “информацию”, глядя на эти поля цветущей сныти над Соротью, если им именно здесь были написаны “Деревня” и “Я помню чудное мгновенье...”, “Бахчисарайский фонтан” и “Кавказский пленник”, три главы “Евгения Онегина” и “Борис Годунов”?

Валентин Курбатов вспоминает погодинское описание вечера, когда Пушкин читал друзьям “Годунова” – рассказ Пимена о посещении Кириллова монастыря Иваном Грозным, о молитве иноков: “Да ниспошлёт Господь

его душе, страдающей и бурной...” – и как слушателей бросало то в жар, то в озноб. “Я нарочно, – продолжает Курбатов, – после этого взял с полки “Бориса”, развернул на монологе Пимена о посещении Кириллова монастыря Иваном Грозным и не смог читать дальше от того же внезапного потрясения. Как страшно глубоко может заглянуть слово!..”

И как грустно, что сегодня учителя литературы, загнанные в рамки тестового метода обучения, не могут помочь детям заглянуть сердечным зрением в глубину веков и сложнейших человеческих переживаний.

А ведь нужно не только держаться за свою традицию, но и иметь силы отклонять нападки таких литераторов, как Д. Быков, который утверждает: “В русской литературе 70-х годов XX века сложилось направление, не имеющее аналогов в мире по антикультурной страстности, человеконенавистническому напору, сентиментальному фарисейству и верноподданническому лицемерию”. Это он – о Василии Белове, Фёдоре Абрамове, Василии Шукшине, Валентине Распутине, которые дали нам залог совестливости и любви, а главное – сохранили память о том русском образе жизни на земле, к которому приходится возвращаться сегодня, когда экология, экономика, образование и прочие сферы жизни безуспешно пытаются выйти из тупика.

В поисках национальной идеи, которая и не терялась у простых шукшинских мужиков, нам бы перечитать Пушкина, перечитать Валентина Распутина, а тут телевизионщик А. Невзоров говорит, что русская классическая литература – это “продукт, у которого кончился срок годности”. Разве это не выбивает почву из-под ног наших детей, разве не порочит память наших предков?

Не случайно вышеприведённые “суждения” о русской литературе Валентин Курбатов зачитал в праздничный Пушкинский день, зачитал горьким полужёпотом, будто сдавливая плач, ибо такое страшно произносить. Мы стали *теплохладны* к наследству, оставленному нам национальными гениями, и кто-то должен напоминать, что у нас есть, что защищать. “Пушкин – это замысел Бога и о тебе, в Пушкине ты содержишься весь, и в нём ты и в пору разорения не сирота, у тебя есть семья, родина, любовь. По дороге к нему ты и делаешься тем человеком, которого обещал Гоголь через двести лет”, – говорит Курбатов, и нам уже не так холодно на ветру, которым нас колышут время и временщики.

А что питало и воспитывало самого В. Курбатова, одного из лучших знатоков и ценителей литературы? Что вызывает у нас доверие к нему и желание прислушиваться к его слову?

Сам о себе он говорит: “До семи лет жизнь в землянке – бывшем погребке. В средней России (а я родился под Ульяновском) их рыли во дворах. Дом у деда отняли. Как же – кулак, дюжина детей спят на полу – даровая рабочая сила. Но всё-таки устыдились и погреб оставили. В нём мы и жили под неустанную дедову молитву. А потом был Урал, Чусовой, где уже жил Астафьев, пионерство с зашитым в кармане куртки крестиком. А там комсомол, флот, грузчик, журналист, певчий церковного хора, писатель. Я же говорю – как у всех. Просто жизнь в стране и со страной...”

Валентин Курбатов, активный участник школьного драмкружка и автор рукописной школьной газеты, почти сдав экзамены во ВГИК, получил повестку из военкомата и следующие четыре с половиной года служил на Северном флоте. И там матросы создали драмкружок и газету, выписывали (на море!) журнал “Молодая гвардия”, зачитывались разделом по искусству, архитектуре и кинематографу, который вёл профессор МГУ В. Н. Турбин. “О полёте Гагарина я услышал как раз в типографии – радио включено было. Бросил верстатку, буквы разлетелись свинцовым дождём, в восторге вылетел на палубу, а там уж все, кто свободен от вахты. Хотелось куда-то бежать, лететь, да куда побежишь – море вокруг, корабль шёл на Новую Землю. Незабываемое ощущение праздника, счастья. Может быть, одно из самых сильных за всю мою жизнь”.

Прививки такой радости жизни, сопричастности своей стране, желания трудиться остро не хватает нынешнему молодому поколению.

А ВГИК Валентин Яковлевич закончил в 1972 году, и в его трудовой книжке значится: “Столяр–киновед–редактор”.

Сегодня невозможно целостно представить последнюю четверть XX века и начало XXI-го в русской литературе без переписки Валентина Курбатова с Валентином Распутиным и Виктором Астафьевым, без его книг о писателе Михаиле Пришвине, художнике Юрии Селивёрстове, о хранителе Пушкиногорья Семёне Гейченко.

Валентин Курбатов подсказывает нам, на что опереться, чтобы не потерять брод, как научиться слушать себя, а затем и прислушиваться к Божьему замыслу о каждом из нас. В книге “Бегущая строка” (2012) он вспоминает свои беседы с композитором Валерием Гаврилиным: “О глухоте мира, о лжи, об угасающей гармонии, о том, что и прежде мучило его – почему русский человек так греховен и почему в нём так много зла”. И далее о Гаврилине: “Вспоминал Г. Успенского (почему тот сошёл с ума), Н. Лескова, бунинскую “Деревню” – ведь это тьма, отчаяние... Ему нужно было понять механизм пропадания света в этой тьме, чтобы сегодня было легче выбраться из теперешней тьмы – не умом выбраться, а той же народной бессознательной дорогой”. Вот о чём бы сегодня говорить в вечернее время на центральных телеканалах, а нас развлекают посредственными шоу, заводя ещё дальше во “тьму и отчаяние”!

У художника Юрия Селивёрстова, покойного друга Валентина Яковлевича, была мечта не восстановить храм Христа Спасителя, а создать золотую прорись этого храма в натуральную величину. “Где-то в Америке у миллиардеров хранится кувуклия из храма Христа Спасителя, – говорит Курбатов. – У Юры была мечта вернуть её в Россию, поставить в этой прориси, и пусть бы шли над прихожанами дожди, падал снег, а люди стояли и молились хотя бы на Рождество и на Пасху. Отец Иоанн (Крестьянкин) благословил этот проект – мы вместе с Юрой к нему ездили и показывали. Если бы реализовали Юрин проект, мы бы поняли, что сделали с самими собой, с собственным сердцем, с собственным храмом. Когда стоишь под открытым небом, продуваемый всеми ветрами, хлещет дождь, сверкают молнии, и ты понимаешь, что сам отнял у себя право быть под Господним покровом!.. Это для многих стало бы глубоким потрясением, потрясением очищающим. А восстановив храм, мы сделали вид, что ничего не случилось. Как стоял храм Христа Спасителя, так и стоит”.

А надо бы замечать, что мы возвращаемся в “обрядовое равнодушие”, которое погубило уже Россию в 1917 году и сегодня уводит нас от покаяния и осмысления себя как православного народа.

Многое открывается в книгах Курбатова. Допустим, через его размышления над романом Феликса Светова “Отверзи ми двери” мы можем услышать голос русского еврея. А может быть, и разобраться, наконец, с той духовно-национальной проблемой, о которой принято говорить вполголоса, и потому нет ей внятного объяснения. А меж тем нам пора уже уяснить, где “наглая ненависть брезгливых умников, проживших в России с вечной иронией и культивируемой отдельностью”, а где “горькое “непопадание” тех, кто здесь навсегда дома и вовек не приживётся там, кто неизбежно оказывается перед последним и неизбежным порогом, чтобы стать родным, как стали родными Левитан, Пастернак, – перед Православием”...

Если Валентин Курбатов пишет о встречах с Валентином Распутиным, сразу представляешь, какого труда ему стоило передать редко высказываемую мысль писателя. У Распутина был великий дар молчания. Однако скупые фразы, запечатлённые Курбатовым, говорят не только о единомыслии двух друзей, они высвечивают, как в капле воды, внутренний мир писателя Валентина Распутина, его точность в понимании происходящего. Вот, например, из ангарских записей 1989 года. Курбатов читает Герцена о том, что Европа кончится мещанством. “А вот Герцена, – продолжает Распутин, – в нашей литературе будто и нет. Не может простить народ, что уехал, что “Колокол” издавал, и всё держит на отлёте. А вот что мне непонятно, так это забвение Лескова. Только радуйся, ан нет”. Валентин Курбатов предполагает, что забыли из-за “церковности”, из-за ушедшего быта и духа. “Ну, у него же не всё церковь, – отвечает Распутин. – Этнографию тоже забыли. Может, правда, писал, как работал, – всё ровно и в срок, не заботясь о звуке, часто не попадая в него, а ведь звук – он не оттенок, он свидетельство точного знания сути”.

Тот же 1989 год. Встречи на Ангаре. В ряду ёмких зарисовок – как разговаривают женщины в отделении сельской почты и как там по-домашнему пахнет, как глуповато ведут себя на просторах Сибири иностранные туристы, какое чудо резьбы и узора в доме художника Костовского, иллюстратора “Прощания с Матёрой” – Курбатов записывает: “Общее ощущение – В. Г. так же потерян, как все мы, но не показывает виду, стоит прочно. Одёрживает резко и умеет себя поставить. И нет спокойной силы, а надо делать вид. Не для себя он притворяется уверенным, а для нас, понимая ответственность

свою. А проговорки о слабости остаются на полях чужих биографий внезапной отметкой, как вздохом”.

Благодаря заметам Валентина Курбатова мы можем воспроизвести сегодня облик Валентина Распутина, портрет в раме одного дня: как он копает перед домом канаву, потому что хочется оттянуть время каторжной работы над рассказом, как провожает взглядом проехавший автомобиль, отворачивая занавеску, как едет с друзьями на очередные писательские посиделки...

А вот запись Валентина Курбатова о Распутине, датированная уже 1991 годом. Валентин Григорьевич говорит: “Не могу слушать съезд. Это жена слушает. Наркотик (и с досадой выдёргивает шнур). Вся надежда, что действительно уже сама Россия без нашей воли начнёт выходить на свою дорогу. Но не сидеть же и не обманывать себя, что ничегонеделание – лучший путь к воскресению”. И ещё более любопытный для сегодняшнего читателя монолог Валентина Григорьевича: “...Стерлигов крутится с нами в одной карусели, но ясно, что ждёт только минуты прыгнуть в середину, сделаться осью. Я ему сказал уже о своём выходе. И ушёл бы, но без меня они тотчас вытолкнут Зюганова – единственного там в соборе, может быть, не духовно, но внутренне крепкого, государственного человека. В компартию, как ты предлагаешь, ему вернуться и можно, но это будет провинция, тогда как он действительно широкий и деятельный ум, который нельзя использовать на провинциальную борьбу. Мы оба там мешаем, и нас уже подталкивают к выходу”.

Вернёмся к книге “Бегущая строка” и заглянем уже в 2009 год, когда в начале июля по инициативе иркутского издателя Геннадия Константиновича Сапронова прошла по Ангаре экспедиция, целью которой было проститься с очередной Матёрой, которую люди веками отвоевывали у тайги, благоустроивали неустанным трудом, где растили детей, где лежат их предки, и которая теперь обречена на затопление при вводе Богучанской ГЭС.

Участники экспедиции Валентин Курбатов, Валентин Распутин, режиссёр Сергей Мирошниченко, фотохудожник Анатолий Бызов и художник Сергей Элоян, конечно, не могли предотвратить дьявольское наступление “цивилизации”, но они работали над фильмом, альбомами и книгами, посвящёнными истории этих земель, где самый ранний палеолитический комплекс артефактов датируется в пределах 32–30 тысяч лет, и их только начали изучать, как потом будет сказано в фильме С. Мирошниченко “Река жизни”. Эта глава книги “Бегущая строка” во многом посвящена и памяти инициатора экспедиции, иркутского издателя Геннадия Сапронова, который умер от разрыва сердца после этой нелёгкой поездки.

В этом путевом очерке “Ты, Матёра, родима матушка” Валентин Курбатов вспоминает литургию, которую служили в школе, построенной хлопотами В. Г. Распутина: “Начинаем первую в истории верхней Аталанки (нижняя – великая Валентинова Матёра – лежит под водой) литургию. Валентин стоит как вкопанный...” Так и вспоминается сказанное Валентином Григорьевичем: “Последним сроком” и “Матёрой” я долги отдавал деревне, старухам, родному углу, а “Живи и помни” и пара рассказов – это вперёд написано, это не долг уже”...

Потом корабль недолго кружит над затопленной Матёрой и в воду падают цветы из рук тех, кто стоит на палубе. “Возвращаемся. Деревня пуста, лошади ходят по улице “сами по себе”, коровы лежат в грязи перед домом Распутина... А я вдруг почему-то думаю, что с каждой ГЭС затапливаются не одни земля и деревни, а словарь, родная речь, память, история, которая дороже земли”.

По ангарской деревне даже хотели отслужить панихиду, да не решились: как по живой-то?.. В. Курбатов пишет об одном из домов, готовых к затоплению, куда заходили писатели: “Смерть учит привыканию. Всё становится символом – в соседней комнате стены оклеены газетами “Труд” и “Советская Россия”, где в названиях “Стратегия крутого перелома” и весёлый Горбачёв, где “Крест на совести”, где Гагаринское “Поехали!” как нечаянная переключка с распутинской Дарьей и Матёрой с её “пое-хала...” (о родной уходящей деревне), где ликование и жизнь перетекли в ликование и плач”.

Трудно читать про эти уходящие деревни, врезается в память каждый столб для забора, какие всё реже сегодня встретишь и в нашей средней полосе, – столб, украшенный резьбой, чтобы “душу держал”, потому что предки наши “жили надолго вперёд”. Это вам не сплошной железный забор, где не задержаться ни глазу, ни памяти, ни сердцу.

Прочтёшь этот дневник и никогда уже не забудешь о надписи у въезда на верхний бьеф, где среди прочих лозунгов выпускники оставили такой: “Помогите о нас, мы едем в Афган”. И в этой экспедиции 2009 года неожиданно оказывается священник, который воевал в Афгане и после тяжёлых боёв и гибели товарища поклялся, что, если выберется, посвятит себя Богу.

Валентин Распутин в этих очерках – не бронзовый, он плещет с народным ансамблем, молчит, глядя в воду, подходит к могилам своих родителей на берегу, слушает рапорт председателя сельсовета: “Село Кеуль, 1400 жителей, есть школа-десятилетка...” Неужели этого скромного, совестливого писателя нет теперь там, на Ангаре?..

Все участники экспедиции тогда только-только заговаривали о “плате за цивилизацию”. А сегодня, когда Волга замедлила в десять раз своё течение, когда треть населения страны оказалась в городах-миллионниках и, возможно, никогда уже не вернётся на свою погибающую без хозяина землю, эта плата становится всё дороже. И как тут ни противься, война с русским словом и война с русской деревней (сибирской или тверской – равновеликие потери), война с русским лесом, русской рекой ведётся одними и теми же наводчиками. И не знаешь, в какую воронку ударят через минуту.

Книга В. Курбатова “Бегущая строка. Дневник провинциального литературного критика” напоминает картину М. Нестерова “На Руси” (“Душа народа”), ибо в ней собираются в единый сонм художники, поэты, писатели, скульпторы как прошлых веков, так и второй половины XX и начала XXI века. Но сияние правды над ними – одно и то же. Здесь читатель найдёт тонко написанные словесные портреты художников Ореста Кипренского и Аркадия Пластова, писателей Валентина Распутина и Виктора Астафьева, поэта Арсения Тарковского и отца Иоанна Крестьянкина, писателя Елизара Мальцева, скульптора Вячеслава Клыкова, вдовы писателя Валерии Пришвиной, учёного Фатая Шипунова, художника Юрия Селивёрстова и реставратора Саввы Ямщикова... Валентин Курбатов и сегодня старается сделать всё, чтоб они не уходили из нашей жизни.

И все они живы, пока В. Курбатов записывает их мысли, которые, быть может, и сами они не уловили, пишет их характеры. Он, кажется, только и мечтает “начать слушать другого и идти ему навстречу в оттенках, пока не сойдёшься в любви”. И он уверен, что вот это и всё, “для чего приходил Христос”.

Боль утраты русских жемчужин пробивается, когда Курбатов читает в альбоме описание одного из псковских храмов, расписанных Василием Верещагиным, Илларионом Прянишниковым, Василием Суриковым, где было 14 колоколов, “во фризах – история духовной и военной России: Калита, Иван Грозный, Донской, Сергей, сотни русских святителей и воинов... Строили 50 лет – русский мрамор, свои каменоломни, порфир, яшма, бронза. И чтоб вот так <войти> под эти своды, как вошёл Каганович, и сказать: “Взорвать!” – вовек не поймёшь”. Напоминает Курбатов и то, что никакой спивающейся нации у нас перед революцией не было, “это потом пошло истребление, лишение человека возможности применить свой труд (крестьянин) или продать этот труд (интеллигент) и замещение этих естественных потребностей винной лавкой”.

А кому из нас не близко сегодня то, о чём говорил Валентин Курбатов в пушкинском Михайловском, где 6 июня ежегодно со всего СССР собирались тысячи равнодушных пушкинолюбов: “С утратой Советского Союза мы сами ещё не поняли, что произошло. Мне кажется, что в Советском Союзе мы были больше татары, больше украинцы, больше туркмены, больше узбеки, чем теперь, отделившись. Мы тогда были более национально ориентированы и точны в этой культуре, в которой мы жили, а выйдя из Союза, начали терять последние остатки того, чем мы были, и собственно национальное”.

“То, что происходит сегодня на Украине, – это борьба именно с русским языком, – уверен Валентин Курбатов. – Ему бросается вызов даже в военном противостоянии, государственном противостоянии как способу существования, способу мышления, мешающему европейским прорывам. Русское сознание со своими Достоевским и Толстым гирей висит у них”. И эта братоубийственная война на Донбассе дана нам в наказание за наше беспечное проживание на пространстве русской культуры. И горький урок того, до какой агрессии может прийти народ, который два десятилетия отлучали от русской культуры.

Курбатов и его современники разгадывают и разгадывают загадки России, тоскуют по “целостному” времени СССР. Вот и эмигрант Ю. Мамлеев считает это время “необходимым духовным составляющим” “Вечной России”.

Думаю, что тут с ними и Иван Бунин, и Михаил Шолохов – в одном “ополчении”. И все они верят (цитирую курбатовскую “Бегущую строку”): “Россия даже при нашем общем предательстве сама ещё предпримет попытку воскреснуть, потому что общее то предательство, общее, но всё сидит где-то праведник и держит генетику и небесную задачу. И Господь на нём, единственном, всё начинает сначала, потому что тоже “поставил на Россию”, определил ей задачу, от которой ей не увернуться”.

Как эти слова звонки в сегодняшний роковой час, когда, кажется, качнулся тонущий русский корабль и начинает выходить из-под воды, вот уже и наш Крым виден... Что-то далее покажется на пространстве пусть не СССР, но “целостного” русского союза?..

Курбатов уверен, что в каждом из нас существуют две сущности. “Может, потому мы и не слышим другого человека, что каждый из нас двоих внутри нас слушает каждого другого в другом – всё время не попадая... В этом все революции, войны, оппозиции, ООНы и ВТО”.

А что это за истина, которая всё время пробивается в суждениях Валентина Курбатова? Не о ней ли говорили нам славянофилы, столь многое сделавшие для изучения родной истории и культуры, прежде чем заявить миру о её ценности и неповторимости? “Господа либералы, – пишет Валентин Яковлевич, – служившие белинским-чернышевским, сами их и предали, и теперь перекинулись к славянофилам и ловко цитируют их, а в душе-то сами всё те же либералы, всё белинские-чернышевские... И так ловко научились ходить вокруг Киреевских, Хомякова, Страхова, Флоренского, что “патриоты” уже одни обноски собирают, и у них славянофилы уже как будто ненастоящие... Настоящей мысли нужно быть готовой к тому, что ею всегда будут спекулировать те и эти, и никто не будет ей служить, иначе тогда мир станет умён и труден для жизни, как всякий честный мир”.

А служим ли мы сегодня “настоящей мысли”? “Мы ищем истоков и опор в Руси Сергия и Серафима, в России Флоренского и Булгакова, хотим умо-зрительного синтета, но выражается он не в продолжающихся исканиях духа, а в попытке снова построить храм Христа Спасителя. Именно не возродить, ибо ничего нельзя родить второй раз, а построить заново во всей громоздкости не религиозной, а государственной лениво-патриотической идеи, желающей вместо творчества дублирования новых заместителей духа...”

Поэтому нам ценно своей простотой и подлинным дыханием жизни размышление Курбатова, записанное им ещё в 1980 году, о том, как он был поражён лицами старух, шедших от причастия: “Одно лицо краше, покойнее, печально-сосредоточеннее другого. На каждом так легко читалась судьба, полная лишений, преображённых Господом и смирением в свет”.

Или вот ещё, запись тех же лет: “Поглядываю на своих сверстников и ни в одном не чувствую шага, направляемого Промыслом и предназначением, – всё сами. Не эта ли скука и зовётся “хозяева своей судьбы”?

Это вслушиваясь в предназначение своего народа, размышляет автор книги, кто всё же отчётливее сказал о России. Может, Рерих? Нет. Может, Нестеров? А не Пришвин ли, который “к Христу шёл через Беломорканал, через распятую Россию, которая и тут светом преодоления утверждает жизнь”? Не Бродский ли, ибо почему он интереснее молодёжь больше, чем Рубцов? И тут же объяснение: “Они живут вместе с Бродским в словесном мире, за которым уже нет никакой реальности... поэзия Бродского – это всегда усталость, чуть пресыщенность миром. А у Рубцова – благодарность за “я есмь”, даже когда пишет о тоске”. А Солженицын? Но вот случайный собеседник Курбатова, прошедший лагерь, говорит: “Я читал Солженицына всего вдоль и поперёк. Там всё правда. Но только чёрная правда...”

Валентин Яковлевич говорит, что сегодня слово заменило нам чувства, заменило небо, травы и облака, что “Родина стала словесна”, что жизнь “оказалась унижена политической игрой, слишком безответственной переменной системы координат”.

Не потеряем ли в наших переживаниях перемен главное? “Главное не устывать искать не земного, а небесного, и тогда земное будет верно и плодотворно, будет помнить живые связи мира, тайные токи истины и порядка, укрепит в человеке чуткость к незримым струнам, которые протянуты от сердца к сердцу и на которых Господь играет мелодию мира”. Разве не слово, великое русское слово, питает эти “живые связи мира”, разве не оно есть проводник “тайных токов истины и порядка”?